

18+

ВОЛЕСЛАВ СУЛТАНБАЕВ

НЭП. ВРЕМЯ НАДЕЖД

Волеслав Султанбаев

НЭП. Время надежд

<https://litres.ru/74225777>

ISBN 9785007040761

Аннотация

Москва, 1921 год. Страна на руинах: голод, тиф, потерянные судьбы. Бывший красноармеец Алексей и дочь нэпмана Анна пытаются выжить в эпоху НЭПа — хрупкой передышки между «военным коммунизмом» и сталинским террором. Любовь, предательство, выбор между бегством и борьбой на фоне исторических дебатов Ленина, Троцкого и Бухарина. Историческая драма о том, как один шанс на другую Россию был упущен навсегда.

Содержание

Историческая драма	5
2026 год	6
Предисловие	7
НЭП: Время надежд	12
Часть 1.Начало перемен	13
Глава 1. Руины после войны	13
Глава 2. Принцип смазки	18
Глава 3. Москва торговая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

НЭП. Время надежд

Волеслав Султанбаев

© Волеслав Султанбаев, 2026

ISBN 978-5-0070-4076-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СУЛТАНБАЕВ В.И,

НЭП: ВРЕМЯ НАДЕЖД

СУЛТАНБАЕВ ВОЛЕСЛАВ ИСИЛЯЕВИЧ

НЭП: ВРЕМЯ НАДЕЖД

Историческая драма

2026 год

«НЭП — это не капитуляция. Это смена тактики. Мы должны учиться торговать, чтобы завтра бить врага его же оружием».

В. И. Ленин, X съезд РКП (б), 1921 г.

Предисловие

Последствия «Военного коммунизма»

К зиме 1921 года страна напоминала гигантский паровой котёл, у которого лопнули все клапаны. Кронштадтский мятеж стал не «случайностью», а страшным зеркалом. Ленин, запираясь у себя в кабинете, понимал: политика «военного коммунизма», эта жестокая попытка прямым штурмом взять «крепость капитализма», привела к экономической асфиксии. Крестьяне, у которых отбирали хлеб продотрядами, засеивали лишь половину земли. Города голодали. Рабочие, те самые «гегемоны», вставали с оружием против вождей.

Нужна была передышка. Операция на живом теле революции.

Внутренний круг: первые скрежеты

В узком кругу — Ленин, Троцкий, Бухарин, Сталин, Зиновьев — висела тишина, разрываемая только треском дров в камине.

Ильич нервно чертил на листке схемы. Он знал, что придется идти на «экономический Брест». Он говорил тихо, но весомо: «Мы разорены. Мы похожи на избитого человека. Нужно взять паузу, чтобы вылечить кости. Заменить продразверстку продналогом. Дать крестьянину торговать».

Голос Правой оппозиции: скорбь Бухарина

Самым неожиданным стал взрыв эмоций от Николая Бу-

харина, «любимца партии». Он вскочил, его пенсне сверкнуло в полумраке.

— Владимир Ильич, это отступление! Мы сдаем позиции! НЭП означает свободу торговли, а значит — возрождение кулака, нэпмана, эксплуататора! Куда мы пришли? «Обогащайтесь!» — это лозунг, достойный кадетов! Мы проливали кровь за социализм, а теперь будем учиться у торгашей?

Бухарин бил кулаком по столу, призывая оставить жесткую диктатуру, закрутить гайки еще сильнее, расправиться с крестьянством раз и навсегда.

Ленин, бледный, с покрасневшими от бессонницы глазами, холодно оборвал его:

— Коля, ты говоришь как воробей, который не знает, куда прыгнуть. Ты предлагаешь голодом загнать мужика в рай? Мужик голосует ногами — он бежит в банды, он не сеет, он перерезает продотряды. Или мы дадим ему кнут и пряник, или он нас смешает с грязью. НЭП — это не капитализм. Это поиск смычки.

Голос Левой оппозиции: сталь Троцкого

Но самым страшным оппонентом оказался Лев Троцкий. Он сидел, вытянув ноги, поигрывая перочинным ножом. Его аргументация была ледяной и жесткой, как февральский ветер из Финского залива.

— Вы предлагаете, Ильич, террор заменить базаром? — голос Троцкого был тих и ядовит. — НЭП — это расслоение. Мы пускаем шакала капитализма в овчарню, думая, что смо-

жем им управлять. Но рынок не знает «красных границ». Вы хотите «социалистическое хозяйство с базаром»? Это химическое соединение нестабильно. Либо мы строим единый государственный план, либо рынок сожрет нас.

Троцкий предлагал чудовищную альтернативу: милитаризацию труда, создание «трудармий», принудительную коллективизацию (за десятилетие до Сталина), насильственный сгон крестьян в совхозы.

— Надо закрутить гайки еще крепче, Ильич! Страна сломана, только железная дисциплина, как в поезде, довезет её до социализма. А ваш НЭП — это санитарный вагон, который едет в обратную сторону.

Ленин побелел от гнева. Троцкий в тот момент был самым влиятельным военным, хозяином поезда, но в экономике Ленин видел в нем безжалостного технократа, который ради абстрактной идеи готов добить живых людей.

— Ты предлагаешь, Лев Давидович, воевать с крестьянством вечно? — прошипел Ленин. — Мы сядем на крестьянскую шею с красным флагом? Нет! Мы должны отступить, чтобы набрать силу.

Сталин: искусство молчать

Сталин, отодвинувшись в тень, молчал. Он курил трубку, дым которой струился кверху. Пока Ленин и Троцкий рвали друг друга голосами, Сталин анализировал. Он видел, что Троцкий проигрывает партийной бюрократии. Он видел, что Ленин жертвует идеологией ради власти. «НЭП — это гроб

для их революционного романтизма», — думал он. И решил для себя: поддержу Ленина сейчас, чтобы завтра... выбросить и Ленина, и Троцкого, если понадобится.

Развязка: «Маленькая передышка»

Ленин пошел ва-банк. На X съезде партии 1921 года он бросил на чашу весов весь свой авторитет.

— Товарищи, — гремел его голос, несмотря на последствия инсульта. — Мы бьемся как боксер, который истратил все силы. Если мы не ляжем на канаты на минуту, нас нокаутуют. НЭП — это не капитуляция перед буржуазией. НЭП — это смена тактики. План остается — электрификация, гиганты промышленности. Но сегодня мы должны учиться торговать, чтобы завтра бить врага его же оружием.

Съезд взорвался аплодисментами, смешанными с криками «Долой!».

Бухарин уступил и вскоре назвал НЭП «шагом к социализму», чем вызвал тошноту у старых большевиков.

Троцкий ушел в подпольную оппозицию, предрекая крах. А Ленин... Ленин внутри себя мучился. Он называл НЭП «серьезным, долгим и трудным отступлением». Он ненавидел нэпманов (частников) больше, чем белогвардейцев, но он умел ждать.

Послесловие: Полемика в крови

Полемика не утихла до конца десятилетия. Сторонники НЭПа (Бухарин, Рыков) в 20-х кричали: «Обогащайтесь! Растите! Дайте рынку сформировать экономику!».

Противники («Левая оппозиция») во главе с Троцким, а затем и Каменев с Зиновьевым, орали на пленумах: «Кулак душит пролетариат! НЭП создал капиталистических шакалов! Пора к штурму!».

Вся эта кровавая, нервная полемика закончилась в 1929-м. Сталин, который при Ленине робко поддерживал НЭП (и сжег за это Льва Троцкого), пришел к власти и...

Он пошел по пути Троцкого.

Он сломал НЭП, отменил рынок и устроил Большой перелом.

Ирония истории: сторонники НЭПа были расстреляны как враги народа, а оппоненты (троцкисты) — уничтожены как шпионы. И в проигрыше осталась страна.

НЭП: Время надежд

Часть 1. Начало перемен

Глава 1. Руины после войны

Москва, весна 1921 года. Город, который ещё три года назад называли красным сердцем мира, теперь напоминал гигантское пепелище.

Алексей Чистяков, двадцатитрёхлетний красноармеец, демобилизованный после ранения под Перекопом, стоял на Каланчёвской площади. Вокзалы были забиты такими же, как он — людьми в обмотках и рваных шинелях, с вещмешками за спиной. Паровозы давно не топили, рельсы проржавели, но люди всё равно ехали: на крышах вагонов, на буферах, внутри товарных составов. Ехали домой, хотя понятие «дом» для многих превратилось в абстракцию.

Город встретил его запахом гнили, дыма от «буржук» и сырой известки. Разрушенные особняки зияли чёрными провалами окон. На месте доходных домов торчали остовы стен, из которых торчала арматура — как рёбра гигантских вымерших животных. Вокруг церкви Никиты Мученика, где ещё недавно шли бои, земля была перепахана снарядами. Весной из этой земли полезла крапива — живучая, злая, укрывавшая осколки и гильзы.

Алексей шёл по Тверской, засунув руки в карманы шине-

ли, прожжённой махорочной искрой ещё в девятнадцатом. В кармане — комсомольский билет (промок, буквы расплыли), два чёрствых сухаря и фотография: мать, отец, младшая сестрёнка Нина. Снимок довоенный, 1914 год. Тогда отец ещё работал на заводе Бромлея, мать мыла полы в богатых домах, а сам Алексей бегал в гимназию — единственный из всей слободы, кому выбился шанс учиться.

Война, революция, Гражданская — всё это смыло. Отец пропал без вести в семнадцатом (то ли на фронте, то ли в лагере для дезертиров — никто не знал). Мать умерла от тифа в восемнадцатом. Сестру Нину соседи говорили видели в детском доме на Сретенке. А может, и не видели. Может, выдумали, чтобы утешить.

На углу у разрушенного фонтана грелись у костра беспризорники. Человек десять, от семи до шестнадцати лет. Они смотрели на Алексея волчьими, взрослыми глазами. Один, босой, в женском пальто, спросил:

— Дядь, закурить есть?

Алексей молча покачал головой.

— А ты чего, с фронта? — спросил другой, мальчик с бельмом на глазу.

— С фронта.

— И чего там? Победили, а жрать нечего.

Мальчик сплюнул. Алексей не нашёлся с ответом. Он действительно не знал, что сказать. Победа? Какая победа, если в Москве люди топят мебелью и жгут книги ради тепла?

Если в очереди за хлебом стоят с ночи, а дают по восемьсот граммов на рабочего и четыреста — на иждивенца?

В воздухе витали слухи. На рынках, где торговали самокрутками и краденными вещами, шушукались: «Ленин говорит — надо отступить». «Как так — отступить? Мы же коммунизм строили?» — «А вот так. Продразвёрстку отменяют. Платить будут за хлеб. И торговать разрешат». Кто-то крестился испуганно, кто-то хмурился, кто-то — очень немногие — осторожно улыбался.

Алексей помнил, как в девятнадцатом они ездили по деревням с продотрядами. Забирали зерно подчистую, оставляя селянам только на семена и на пропитание по минимальной норме. Мужики плакали, ругались, а иногда стреляли. Один старик тогда сказал ему: «Вы, городские, думаете — хлеб сам растёт. А его вырастить надо. И если забирать всё — кто будет сеять?» Алексей тогда прикрикнул на старика, назвал кулаком. А сейчас вспоминал — и в висках стучало.

Теперь говорили: НЭП. Новая экономическая политика. Отступление, но не сдача позиций. Передышка, чтобы собраться с силами. Ленин сам писал в газетах — надо научиться торговать, чтобы потом победить капитализм окончательно.

Алексей не понимал этих игр. Он видел другое: у него нет хлеба, нет крыши над головой, нет семьи. И непонятно, как «торговля» сможет вернуть мёртвых и воскресить сгоревшие дома.

Он свернул в переулок, где ещё держалась старая водопроводная колонка. Из неё еле капало. Напился, умыл лицо. В отражении стоячей воды увидел себя: осунувшийся, небритый, с проваленными щеками. Глаза — молодые, но уже с морщинками вокруг — смотрели устало и настороженно.

«Надо идти на биржу труда, — подумал он. — Говорят, работу дают. Но дают ли?»

Биржа труда находилась в бывшем дворянском особняке. Очередь начиналась от дверей и тянулась на полквартала. В основном рабочие, но были и бывшие офицеры с наградами на выцветших гимнастёрках, и барышни в лохмотьях, и один профессор в пенсне. Алексей встал в конец. Через два часа его толкнул в плечо какой-то парень:

— Ты чего? Там уже вакансий нет. Сказали — расходи-тесь.

— Не понял — сказал Алексей.

— А так. На тысячу человек — два места. Одно — грузчиком на вокзал, другое — в архив перебирать бумаги. И то уже разобрали.

Толпа загудела. Кто-то предложил идти громить лавки спекулянтов — их в городе развелось с прошлого года. Кто-то закричал: «За Лениным пойдём! Он скажет правду!» Но большинство просто разбрелось — молча, опустив головы.

Алексей сел на парапет. Дул апрельский ветер, неся гарь и мелкую пыль. Где-то за Садовым кольцом залаяла собака — долго, надрывно, как плакала.

«Ну что ж, — подумал он. — Значит, будем выживать. Как всегда».

Он встал и пошёл в сторону вокзалов. Говорили, что там ночью можно найти работу у мешочников — разгружать товар, носить узлы. Платят мало, бьют часто, но хлеб дают. Для начала сойдёт.

За его спиной остались руины. Впереди — неизвестность, которую называли НЭП.

Глава 2. Принцип смазки

Москва, 1921 год. Осень. Тверская.

Он вышел из здания Госплана на Тверской и машинально втянул голову в плечи, ожидая удара — то ли пули, то ли судьбы. Но вместо удара в лицо ударил запах. Раньше здесь пахло гарью, махоркой и карболкой. Теперь же сквозь осеннюю прель пробивался жирный, хозяйственный, почти греховный дух — жареный лук.

Георгий Константинович Воронов, бывший военспец, а ныне сотрудник экономического отдела, остановился у витрины, где вместо революционных плакатов «Весь мир насилья мы разрушим» висела скромная табличка: «Прием стеклопосуды. Скупка тряпья».

За стеклом суетился мужик в кожаном пальто, явно сшитом из того самого тряпья, и отсчитывал хрустящие «думские» — бумажки с портретом Екатерины, которые ещё год назад жгли в печках вместо дров.

— Товарищ Воронов? — окликнули его сзади.

Из подъезда, куря скверную папиросу, вышел бывший комиссар 24-й дивизии Бессонов. Без маузера, без знаков различия, в простом френче, но с новеньким портфелем из свиной кожи — признак особого статуса.

— Поздравляю, Георгий Константинович, — Бессонов улыбнулся, обнажив золотые коронки, недавно поставлен-

ные частным дантистом на Кузнецком. — Ленин сказал своё «шаг назад». Теперь мы капиталисты. Только на госсчете.

— От нэпманов уже прохода нет, — буркнул Воронов, наблюдая, как скупающий тряпье мужик прячет выручку в носок. — Спросишь у такого, откуда у него тонна сахара — смеется. Говорит: «моя сестра в Госбанке служит».

— А ты не спрашивай. Ты учись. Нам дали передышку. Два, может, три года. Пока Европа не передохнет от кризиса. — Бессонов понизил голос. — Второй отдел ГПУ вчера докладывал: по Волге уже не трупы сплавляют, а зерно. Частники повезли. За золото.

Воронов молчал. Он помнил другую Волгу — 1920 года, когда они с дивизией шли на Деникина, а женщины в деревнях меняли детей на горсть гнилой картошки. Он тогда думал, что ад кончился. Оказалось — только начался.

Глава 3. Москва торговая

Толкучка у Сухаревки. Декабрь 1921 года.

Воронову было поручено задание — под видом спекулянта выявить канал утечки медикаментов из аптечного склада. Операция «Хинин». Он нацепил рваную чуйку, старый картуз и намазал лицо ваксой, чтобы походить на «бурого» — так в ОГПУ называли среднеазиатских перекупщиков.

Рынок гудел. Толпа текла меж деревянных лотков, где лежало всё, что ещё год назад казалось забытым навсегда.

Немецкие замшевые сапоги — рядом с чугунным утюгом. Свежеиспечённые сайки — поверх французского граммофона. Мужик в буденовке продавал гармонию, а рядом баба с деревянным лицом — три капроновых чулка, привезённых из Риги через «Совторгфлот».

— Дай пять миллион! — крикнул Воронову косоглазый армянин, тыча бутылку с «кока-колой» — американской дрянью, попавшей в страну через Добровольный флот.

Вместо ответа Воронов увидел её.

Она стояла у прилавка с мясом. Женщина в мужском пальто, перетянута солдатским ремнём, но с невероятной — невозможной для голодного года — коробкой «Птичьего молока» в руке.

Она повернулась.

— Гошка? Ты?

Он узнал её через три секунды. Княжна Ирина Оболенская. Та самая, которую он (эсер, а затем попутчик большевиков) вывез из подвала ЧК в Саратове в 1918-м, рискуя трибуналом.

— Ты жива? — выдохнул он.

— Как видишь, — она усмехнулась и ткнула пальцем в табличку «Цены в золотом исчислении» на лотке. — Пока есть что менять. Сейчас меняю свой титул на кусок конины. Идем, напою тебя эрзац-кофе. У меня есть секрет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.